

УДК 800:159.9

**СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И МЕТОДЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕЦИПИЕНТА**

О.С. Зубкова

*Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: olgaz4@rambler.ru*

Курский государственный университет

А.В. Фахрутдинова

*Доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений
e-mail: Anastasiya.Fahrutdinova@kpfu.ru*

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Н.В. Антонова

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры юридических и социально-экономических дисциплин
e-mail: natallin1710@hotmail.com*

Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России)

В данной работе рассматривается современная тенденция популяризации исторической науки и речевые манипуляции, применяемые для привлечения внимания читателей к определенной информации. Авторы проводят анализ интервью с американским испанистом Джеффри Паркером с точки зрения научной объективности и выявляют основные методы эмоционального воздействия, используемые при написании подобного вида статей. Определяются смысловые и языковые акценты в тексте интервью и изучается эффект, производимый ими на читателя. При этом подчеркивается не факт компетентности или отсутствия таковой в отношении американского исследователя, но форма преподнесения материала и его интерпретации с целью максимально заинтриговать аудиторию.

***Ключевые слова:** речевые манипуляции, популяризация истории, Джеффри Паркер, Карлос V Габсбург.*

Введение

В современном мире на фоне развития информационных технологий и упрощения жизни меняются не только внешние условия существования людей, но и форма восприятия действительности. Еще в XX веке наука начала менять свои формы, и это «интеллектуальное приключение нашего века» [Maravall 1958: 40] по сей день дает неожиданные научные выводы.

Сегодня, с одной стороны реципиенты проявляют интерес к науке в целом и к истории своего народа и всего человечества в частности, с другой – все большую популярность приобретают упрощенные формы исторического нарратива. Популяризация науки несомненно необходима, поскольку помогает «понимать современные тренды научно-технического развития» [Поданева 2017: 54], а по отношению к истории – это путь к познанию народом своей национальной идентичности. Однако не стоит забывать, что этот процесс влечет за собой и негативные последствия. В частности, появление тенденции к развитию постправды, которая находит применение не только в филологии, журналистике, но и в так называемой публичной истории. Для подобных работ характерны манипуляции общественным мнением, парадоксальность мышления, иногда искажение фактологии для привлечения внимания аудитории. Большая часть читателей работ такого характера не владеет историческими знаниями настолько, чтобы разобраться в исторической точности или неточности события, потому важным маркером являются особенности дискурса. Задача данной статьи – выявление особенностей формирования дискурса массового исторического текста и способы его репрезентации в наивной коммуникации.

Материалы и методы

Неоспоримо достаточно активное развитие науки в настоящее время. Новые технологии активно входят в нашу жизнь, что порождает новое отношение к науке, более упрощенное, адаптированное к восприятию человека, не имеющего специальной подготовки. «Решению актуальной проблемы информированности общества, адекватному объяснению происходящих процессов, их возможной прогностики и транслированию социокультурного опыта способствует популяризация научных знаний» [Барканова 2015: 1].

Закономерным является тот факт, что сегодня, в условиях развивающегося информационного общества, научный дискурс начинает менять свои формы, и СМИ оказывают на процесс ее трансформации значительное влияние. Каков же вектор этого влияния СМИ на форму мировосприятия современного человека? О.Н. Яницкий выделяет пять путей участия СМИ в формировании мировоззрения современного человека:

- 1) сенсации как конструкторы «второй реальности», определяемой как «конструирование виртуальных образов, правил, «надлежащих» стилей жизни, становятся нормой для массового потребителя»;
- 2) некритическое восприятие действительности;
- 3) ситуация когнитивного диссонанса: готовые рецепты достижения успеха, не дающие никаких гарантий.

- 4) информационный шум, побочный и дезинформация;
- 5) итог всего вышеперечисленного – повышение ценности так называемой инсайдерской информации для социологического или политологического исследования и снижение надежности дистанционных исследований [Яницкий 2016: 95].

Следствием возникновения нового поля в информационном пространстве, а значит, нового стиля повествования на стыке двух существующих, является актуализация проблемы соотношения в нем научной и популярной составляющих.

В данной статье для выявления манипулятивных тенденций в современном историческом дискурсе применяются методы лингвистического анализа и контент-анализа.

Результаты

Следует упомянуть, что к функциональным стилям русского языка кроме общественно-делового, разговорного и художественного стилей относятся два наиболее распространённых стиля, имеющих непосредственное отношение к теме нашего исследования, а именно научный и публицистический. При этом каждый из них имеет свои черты. Так, например, разговорный стиль характеризуется эмоциональностью, непринужденностью, отсутствием строгой логичности. Официально-деловой стиль строго регламентирован и изобилует клише. Художественному стилю присущи образность, эмоциональность и оценочность. Что касается интересующих нас стилей, научного и публицистического, они представляют собой два кардинально отличных стилистических типа. Научный стиль отличает логичность повествования, точность, ясность, безличность и насыщенность терминами. Публицистический стиль имеет яркую оценочную окраску, насыщен эмоциями и несет в себе импульс к действию [Грибанская 2017: 123-128]. Степень различия между ними подтверждает актуальность и сложность проблемы пропорционального соотношения этих двух стилей в рамках научно-публицистического дискурса.

Если рассматривать тот же самый вопрос с точки зрения разновидностей информационного пространства, мы столкнемся с идентичной дифференциацией научного сегмента культурной сферы жизни человека и журналистики. Об этом, в частности, говорит С.П. Суворова. При этом наука, которую она определяет как основу для формирования научной составляющей человеческой культуры, «ориентирована на получение *фундаментального или прикладного знания* – интегральной информационной модели реального мира в его существенных связях, воплощенной в многочисленных продуктах, позволяющих изменять условия существования человечества», а предназначение научных коммуникаций – «обеспечивать целостность,

автономность и надежность науки как социального института» [Суворова 2009: 15-16]. Результаты научного исследования публикуются в диссертациях, авторефератах диссертаций, научных статьях, тезисах докладов научных конференций и пр., и основной целью данного вида изданий является обмен информацией между учеными. При этом здесь обсуждаются вопросы, не предназначенные для широкого круга читателей, и аудитория преимущественно ограничивается узкопрофессиональной сферой.

Журналистика же рассматривается С.П. Суворовой как «организатор духовного сотрудничества разных общественных сил для создания массовых информационных потоков», порождающий особый тип текста, журналистское произведение» [Суворова 2009: 16].

Таким образом, с одной стороны перед нами предстает пространство строго научного дискурса, с другой – сфера массовых информационных потоков, в каждом из которых принято придерживаться собственных правил и установок. Проблема гармоничного сочетания двух этих информационных пространств без ущерба для базовых принципов каждого из них также требует взвешенного подхода. При этом обе стороны, внешняя (стилевая) и внутренняя (содержательная), тесно связаны между собой.

Процесс поиска решения осуществляется, в том числе, эмпирическим путем и выражается в появлении многочисленных текстов, устных и письменных, межстилевого характера, совмещающих в себе научные факты и публицистическую интерпретацию таковых. Появляются определенные тенденции в научно-популярном секторе информационного пространства, которые и стали предметом обсуждения в данной статье.

Как уже упоминалось, тенденции развития человеческого общества в XXI веке естественным образом трансформируют мировосприятие людей, а соответственно, и форму познания окружающего мира. В первую очередь, это коснулось гуманитарных наук как наиболее близких человеческой нравственной и эмоциональной природе. «Прагматизация» общества и стремление направить приобретение знаний в практическое русло оказало сильное влияние и на развитие филологической науки и, в частности исторического дискурса, усиливая его дифференциацию с точки зрения формально-социального воздействия на реципиента. Его разновидности всё больше становятся «элементами процесса социального общения и составной частью процесса формирования значения в коммуникативном поле» [Зубкова 2016: 18].

Если в середине XX века многие исторические исследования как по характеру излагаемого материала, так и по стилистическому его оформлению были адресованы узкому кругу профессиональных историков, то сегодня все популярнее становится история, написанная для широких масс. История приобретает характер социальной науки [Jerome

М. Clubb 1981: 651]. Это выражается и в обилии так называемых «исторических» художественных фильмов, отнюдь не всегда опирающихся на достоверные источники, и в увеличении числа документальных фильмов, посвященных различным аспектам исторического прошлого человечества, и распространении телепрограмм с участием профессиональных историков или просто любителей, проявляющих интерес к какому-либо пласту прошлого человечества, статьи научно-популярной направленности с обсуждением научных знаний в форме, доступной для восприятия широких масс, интервью с экспертами в той или иной сфере исторического знания и пр. Все приведенные примеры свидетельствуют о частичном выходе исторической науки за рамки академической среды и адаптации ее для восприятия широкими массами. Кроме того, вольно или невольно, популяризация истории делает ее все более сильным политическим оружием в современном мире.

В XX веке форма преподнесения событий прошлого, безусловно, оказывала влияние на формирование мировосприятия молодежи в рамках школьного курса истории, однако по завершении такового вероятность, что среднестатистический гражданин вернется к рассмотрению событий и персонажей ушедших эпох была невелика. В настоящее же время, когда интернет переполнен видео, аудио и просто печатными материалами, адаптированными для широкой аудитории, роль исторической науки кардинально меняется. Сформировать желаемое представление о любом феномене прошлых лет не представляет особого труда, особенно принимая во внимание относительную свободу форм преподнесения информации в глобальной сети. Вышеназванная тенденция наиболее очевидна в европейских странах, где она начала развиваться значительно раньше (см. напр.: [GilZúñiga 1992]), но и в российской науке явно ощущается присутствие таковой. Популяризация истории нередко угрожает риском перехода к вульгаризации последней.

Процесс популяризации влечет за собой ряд как формальных, так и качественных изменений исторической науки. С одной стороны, остается круг академических историков, придерживающихся традиционной формы изучения прошлого человечества. С другой стороны, возникает прослойка альтернативных специалистов, людей, не всегда имеющих профессиональное академическое образование и трактующих события прошлого с позиций собственного восприятия. В промежутке между ними можно поместить «касту» современных историков, применяющих традиционные методы исследования, но ориентирующих свои труды на широкие массы.

Первая группа ученых отличается определенной степенью замкнутости (как правило, академическим кругом профессионалов и начинающих специалистов). В рамках данного класса применяются

строгие критерии научности, достоверности материала и определенный языковой код, освобожденный от вульгаризмов, сленга и двусмысленности трактовок (см. напр.: [Sánchez Jaramillo 2005]).

Вторую группу, своего рода «фрилансеров», отличает широкий социальный охват (к ним могут примкнуть представители любого профессионального круга, от журналистов до физиков). Представители данной «касты» придерживаются довольно свободных трактовок, их публикации нередко отличаются субъективностью, выражены простым и доступным широким массам языком, перемежающимся вульгаризмами, но не чуждым внешней научности. Интерпретации исторического прошлого, предлагаемые «фрилансерами», отличаются сенсационностью и необычностью, чем привлекают внимание аудитории.

Третья группа объединяет профессиональных историков, ориентированных на широкую публику. В отличие от первой группы, представители которой тоже нередко фигурируют в рядах экспертов или организаторов культурных мероприятий, историки-популяризаторы традиционно придерживаются довольно необычных трактовок, их отличает богатая стилистическая окраска языка, ориентированного на широкие массы, но не позволяющего излишеств разговорного регистра. Именно эта группа исследователей является наиболее влиятельной в момент формирования общественного мнения относительно тех или иных исторических событий. Научный авторитет автора вызывает доверие читателя и зрителя, а яркость стиля делает текст доступным для понимания и увлекательным. Кроме того, красочный заголовок, обещающий раскрыть секреты королевской семьи или тайный заговор диссидентов, не оставит равнодушным даже сравнительно нелюбопытного обывателя.

Обсуждение результатов

Ярким примером историка-популяризатора является, на наш взгляд, Джеффри Паркер. В рамках данной статьи мы рассмотрим его статью, опубликованную в феврале 2019 в газете *ElEspañol* [Barreira]. Целью анализа является выявление стилистических особенностей современного историко-популярного текста и используемых в нем средств воздействия на общественное сознание.

Первая задача, которая встает на пути историка-популяризатора, а также публициста, представляющего фон для выступления историка, является привлечение внимания аудитории. Для этого, как правило, применяется интригующий заголовок: «Я помещаю Карлоса V на вершине испанской истории, но он был моральным трусом». Выбор цитаты для заголовка, на наш взгляд, очень показателен: перед нами пример парадокса и явной персонификации трактовки. Автор предлагает собственное восприятие и отступает от принципа объективности (*я помещаю* – личное

понимание, *моральный трус* – субъективное мнение). Личность эксперта приближается к читателю, создается атмосфера искренности, открытости.

Далее журналист, беседующий с историком, предоставляет информацию о своем собеседнике, при этом наряду с нейтральными фактами он ненавязчиво, но методично возвышает авторитет историка (на протяжении статьи несколько раз повторяется эпитет «крупнейший», «монументальный» по отношению к личности и трудам Паркера, тем самым повышается его престиж; между делом подчеркивается многоопытность Паркера и его знание личности императора: впервые он услышал о Карлосе 60 лет назад, будучи «почти ребенком»; упоминается мельком, но вполне отчетливо его причастность к местам и событиям жизни императора (косвенное знакомство с дворцами его тетки Марии Венгерской). Сами по себе эти факты не имеют особого значения с точки зрения качества исследования: имеется в виду, что услышать об императоре 60 лет назад мог любой, и это отнюдь не означает, что человек даже знаком с биографией данного правителя; то же самое касается факта его посещения мест, связанных с Карлосом V. Безусловно, данный факт демонстрирует интерес Д. Паркера к Карлосу V как к историческому персонажу, однако, никак не влияет на степень научной осведомленности историка, но при поверхностном прочтении создают исследователю имидж эксперта, глубоко изучившего личность испанского императора. Это отнюдь не принижает авторитета историка, мы обращаем внимание лишь на то, что биографические факты, выбранные автором статьи, сами по себе не являются свидетельством профессионализма Паркера, но успешно создают иллюзию, вне зависимости от истинных заслуг протагониста.

Следующий шаг – привлечение внимания к теме. Современный читатель пресыщен информацией, но его всегда интересует нечто новое, чем и пользуется журналист. В тексте статьи незаметно, но с завидной настойчивостью повторяются идеи «тайны», «раскрытия загадки», «сложности», фигурируют материалы, опубликованные «впервые», ссылки на «неизвестные ранее источники» и пр. Все они вызывают к любопытству публики.

Теперь, когда аудитория в полном убеждении, что эксперт в области испанской истории и автор монументальных трудов по биографии Карлоса V готов раскрыть ей секреты императора, задается основная посылка. В основу кладется антитеза, противопоставляются смелость короля на поле боя и его нравственная трусость. Интересен выбор языковых средств. «Нравственная трусость» – сочетание редкое, а согласно контексту, куда уместнее было бы говорить о непорядочности, безнравственности, вероломстве. О трусости как таковой речь идет лишь в одном случае, и то косвенно (замена драгоценностей камнями, чтобы Хуана Безумная не заметила пропажи до отъезда Карлоса), при этом такая квалификация поступка может быть лишь догадкой, по крайней мере, нет ссылки на

источники, подтверждающие мотивы короля. Таким образом, можно предположить, что не данный стилистический оборот адаптирован для выражения конкретной мысли, а мысль адаптирована для яркого и привлекательного риторического приема. По причине того, что данная фраза в определённом порядке упоминается по всему тексту статьи, достигается максимальный эффект убедительности. Подобные примеры можно встретить во всем тексте.

“Cuando lo observé bien fue obvio que no era una copia, sino el original, todo estaba escrito por el emperador. 48 folios de su puño y letra” [Barreira D.].

Текст статьи ярко окрашен стилистически, но, как и в предыдущем случае, средства риторики нередко служат лишь внешней форме, не являясь иллюстрацией конкретного содержания:

«Когда я посмотрел документ, было очевидно, что это была не копия, а оригинал, полностью написанный императором. 48 листов, написанных его собственной рукой» (автор говорит о своем знакомстве с рукописью указаний Карлоса Филиппу). На языке оригинала «desupuñoyletra» – идиома. При этом если рассмотреть эту фразу в контексте, явно просматривается намерение акцентировать идею аутентичности: не копия, а оригинал (антитеза), а затем перифраз «собственной рукой» закрепляет идею в умах читателя и оставляет устойчивое впечатление значимости сказанного.

Этот факт на самом деле имел бы вес в случае академического анализа документа, но, когда речь идет об анализе содержания послания императора, оригинальность материального документа, которым пользовался исследователь при работе, теряет свою релевантность: провести анализ указаний Карлоса можно с одинаковым успехом как на основе копии, так и оригинала. Однако произнесенный с должным акцентом и повторенный в следующей строке в форме перифраза тезис при беглом прочтении, не всегда подразумевающим критическое осмысление фрагмента, заставляет читателя убедиться в несомненной достоверности и аутентичности источников.

Этот же прием (повторяющаяся антитеза в сочетании с перифразом) проходит по всему тексту статьи и акцентирует идеи, которые автор хочет запечатлеть в восприятии читателя. Яркий пример тому – отрезок, посвященный сопоставлению личностей двух первых испанских Габсбургов. Он основан на игре с тремя основными идеями: разумный – неразумный, успех – поражение, простой – сложный. Особый оттенок эта «лексическая игра» приобретает благодаря использованию каламбура, а именно параномазии («Imprudente» как прилагательное по отношению к королю и «imprudente» как наречие по отношению к читателю; первое предложение – игра слов prudente-imprudente) и симплоки (повторение «imprudente» в начале и в конце текста). Структура параллелизмов в данном отрывке достаточно сложна: вслед за антитезой, помещенной в

кольце каламбура, следует сложное переплетение синонимичных антитез в «зеркальной» перспективе, с кульминацией в последнем отрезке. Успех – провал/провал – успех/много провалов – много успехов. Например: *Lodelreyimprudenteesunpocodechiste. Poco después de la muerte de Felipe II, Antonio de Herrera utilizó el epíteto el prudente; pero para mí era un poco imprudente. No hay chiste similar para Carlos V. Es un ser complejo, como todos nosotros. La vida de Felipe II es un éxito hasta la conquista de Portugal y un fracasodespués. En Carlos V no es así. Si hubiera fallecido en la batalla de Pavía (1525) o en la desastrosa jornada de Argel (1541), donde murió gran parte de la expedición, hubiéramos dicho que era un fracaso. Si hubiera muerto en 1550, en la cima de sus éxitos, hubiéramos dicho: “¡Qué genio!”. Pero murió en 1558, cuando podemos valorar muchos éxitos pero también muchos fracasos. Entonces no es tan sencillo, a mi parecer, como en el caso del reinado de Felipe II* [Barreira D.].

Еще одна особенность текста статьи о Паркере – наличие прилагательных превосходной степени, прилагательных и наречий усиления степени (т.н. интенсификаторов). Применение данной категории лексических средств привязано преимущественно к трем направлениям:

1) применительно к личности и трудам Паркера: интенсификаторы имеют ярко выраженную положительную окраску.

Например: *jovencísimo, losmayoreshispanistas, monumental;*

2) по отношению к источникам, использованным историком в его работе: данный прием используется для акцентирования новизны и важности работы Паркера.

Например: *totalmentedesconocidos, absolutamentenuevas, muyimportantes;*

3) при описании личности и деятельности Карлоса: преимущественно данная группа лексических средств акцентирует внимание на негативных аспектах личности и деятельности императора.

Например: *esterrible, mentíamuchísimo.*

Исключением является сочетание *grancorajefísico*, противопоставленное, однако уже в следующей строке *cobardemoral*. Если рассматривать антитезу как единое целое, то интенсификатор можно отнести одновременно к паре антонимов *смелость-трусость*.

Сквозь всю статью проходит ряд разноуровневых повторений. Их распределение по тексту публикации структурируется с определенной закономерностью. Во-первых, ряд слов, клише и идей в перефразированном варианте с достаточной степенью ритмичности повторяются несколько раз на протяжении повествования. Во-вторых, определенная серия лексических единиц, в том числе, имеющих подчеркнута привлекательную стилистическую окраску, группируется вокруг отдельной идеи, преимущественно в рамках одного абзаца.

Примером структуры как первого, так и второго типа может послужить форма презентации идеи «лжи», например: *Carlos V demostró valentía a la hora de dirigir a sus tropas y la capacidad de ganarse el beneplácito de sus súbditos, pero en los círculos íntimos se comportó como un mentiroso y un cobarde moral* [Barreira D.]. (Карлос V показал пример храбрости при обращении к войскам и способность добиться одобрения подданных, но со своим близким окружением он вел себя как лжец и моральный трус»).

Mentíamuchito. Una frase que utilizó muchísimo fue “hágalo con secreto y disimulación”. Pero no eran disimulaciones sino mentiras. Él mentía cuando, a mi parecer, no había razón para ello [Barreira D.]. (Он много лгал. Фраза, которую он часто употреблял, была «сделайте это тайно, притворитесь». Но это было не притворство, а ложь. Он лгал, когда, на мой взгляд, для этого не было причин).

Supongo que es necesario mentir de vez en cuando. Pero en las cosas personales... Otro ejemplo con su madre Juana: no entiendo por qué mentía diciéndole que su padre Fernando el Católico y el emperador Maximiliano vivían. No le dijo que habían fallecido. Por qué? Mentíamuchísimo [Barreira D.]. (Полагаю, что иногда необходимо солгать. Но в вопросах личных... Другой пример с его матерью Хуаной: не понимаю, зачем он лгал, когда говорил, что его отец Фердинанд Католический и император Максимилиан были живы. Он не сказал ей, что они умерли. Почему? Лгал он очень много).

Por qué pensaba que nadie iba a saber que mentía sobre el asesinato de Rincón y Fregoso[Barreira D.]. (Почему он думал, что никто не узнает, что он лгал про убийство Ринкона и Фрегосо).

Traiciones y mentiras sepultadas [Barreira D.]. (Погребенные предательство и ложь).

Как видно из вышеприведенного анализа, лексема «ложь» повторяется неоднократно в тексте статьи, встречаясь как в форме единичного упоминания, так и в рамках стилистических групп, организованных на основе разного рода параллелизмов (о чем упоминалось нами ранее).

Интерес представляет следующий пример использования лексемы «mentir»:

Supongo que es necesario mentir de vez en cuando. Pero en las cosas personales... Otro ejemplo con su madre Juana: no entiendo por qué mentía diciéndole que su padre Fernando el Católico y el emperador Maximiliano vivían. No le dijo que habían fallecido. Por qué? Mentíamuchísimo [Barreira D.].

Здесь очевиден прием градации. Сначала автор приводит слово «mentir» в инфинитивной форме, в отношении к абстрактному персонажу. Далее следует конкретный пример, в котором глагол приобретает лицо и относится непосредственно к Карлосу. Внимание аудитории все больше фокусируется на мысли о лжи. Кульминации идея лжи достигает в конце

абзаца, где уже личная форма глагола усиливается наречием в превосходной степени и относится не к частному случаю, а к жизни Карлоса вообще.

Интересно отметить, что Паркер умело переплетает параллелизмы с перифразами и строит симметричные лексические конструкции, убеждая тем самым аудиторию в неоспоримости своих заключений. Возьмем следующий пример:

Mentíamuchó. Una frase que utilizó muchísimo fue “hágalo con secreto y disimulación”. Pero no eran disimulaciones sino mentiras. Él mentía cuando, a mi parecer, no había razón para ello [Barreira D.].

При этом интерпретацию слова «disimulación» автор оставляет на свое усмотрение. Согласно Словарю испанского языка Испанской Королевской Академии, глагол «disimular», лежащий в основе рассматриваемого нами термина, имеет ряд значений. Два первых имеют непосредственное отношение к рассматриваемому нами отрывку:

1) ocultar o encubrir con astucia lo que se piensa o siente – примерный эквивалент «притворяться».

2) ocultar o encubrir algo que se siente y padece – примерный эквивалент «скрывать» [Barreira D.].

Паркер априори исключает второе значение и даже не упоминает о нем, выбирая первое, максимально близкое к отстаиваемой им идее ложности. Здесь с особой силой проявляется специфика текста «популяризаторской истории». В научном исследовании подобное заявление требует, по меньшей мере, контекста и ссылок, а желательно, конкретных аргументов для обоснования избранной трактовки. То же самое касается комментариев «*nohabíarazónparaello*» (для этого не было причин), «*yoestoyconvencido que así*» (я убежден, что таким образом), «*esunepítetoquenomegusta*» (этот эпитет мне не нравится), «*yoonoentiendoporqué*» (я не понимаю почему), «*sobreelplanopersonal, eltratamientodesumadre, esotampocopuedoexplicarlo*» (в личном плане, его обращение с матерью я тоже не могу объяснить). Все они несут высокую степень субъективности, неприемлемую в научном исследовании. Читатель вынужден доверять автору на слово, в силу характера данного рода текстов.

Яркой чертой, отличающей публикации историков-популяризаторов, в частности, Паркера, является свободное применение сослагательного наклонения. Наука, даже если это гуманитарное знание, с большим опасением относится к непроверяемым гипотезам, основанным на личной рефлексии. Для публицистического стиля, однако, гипотетичность не является препятствием, и это отражается на дискурсе ученых, связанных с данной сферой информационного пространства. Например:

Es un ser complejo, como todos nosotros. La vida de Felipe II es un éxito hasta la conquista de Portugal y un fracaso después. En Carlos V no es

así. Si hubiera fallecido en la batalla de Pavía (1525) o en la desastrosa jornada de Argel (1541), donde murió gran parte de la expedición, hubiéramos dicho que era un fracaso. Si hubiera muerto en 1550, en la cima de sus éxitos, hubiéramos dicho: “¡Qué genio!”. Pero murió en 1558, cuando podemos valorar muchos éxitos pero también muchos fracasos. Entonces no es tan sencillo, a mi parecer, como en el caso del reinado de Felipe II [Barreira D.]. (Это сложная личность, как и все мы. Жизнь Филиппа II удачна до завоевания Португалии и последующей неудачи. У Карлоса V все иначе. Если бы он умер в битве при Павии (1525) или в злополучном алжирском походе (1541), в котором лишилась жизни большая часть участников экспедиции, мы бы сказали, что это был его провал. Если бы он умер в 1550 на вершине своего успеха, мы бы сказали: «Какой гений!». Но он умер в 1558, и мы можем расценить многие события как удачи, но и многие – как провалы. Мне кажется, здесь это не так просто, как в случае с правлением Филиппа II).

Данный отрезок статьи богат стилистическими приемами: анафора (*si hubiera, hubiéramos dicho*), антитеза (*fracaso-éxito*), перифраз (*complejo-noestansencillo*), повторение (глагол “*morir*”), градация (*éxitos-muchos éxitos*). В сочетании с сослагательным наклонением в условном предложении гипотетического прошлого игра параллелизмов звучит особо выразительно. Однако очевидно, что целью является не констатация фактов и не анализ объективной информации, но рефлексия относительно возможной схемы развертывания событий. В данном отрывке явно доминирует субъективное начало, что отличает рассматриваемый текст от текста строго научного.

Субъективность преподнесения материала выражается также в обилии личных суждений, не подтвержденных ни оригинальными источниками, ни какими бы то ни было другими основаниями. Ярким примером тому может служить рассуждение Паркера об аутентичности документа, содержащего воспоминания императора.

En los apéndices explico, sobre las memorias del emperador – que algunos han dicho que son falsas, ficticias – que estaban marcadas con una filigrana. El papel en el que están escritas es una traducción portuguesa hecha en Madrid en 1620 y la filigrana es de 1598. Yo no creo, como Vicente Cadenas y Vicent, las “supuestas” memorias del emperador. Yo creo que son las verdaderas [Barreira D.]. В приложении я объясняю, говоря о воспоминаниях императора, – о которых некоторые говорят, что они являются ложными и фиктивными, – сделанных филигранью. Документ, в котором они фигурируют, является португальским переводом, сделанным в Мадриде в 1620 году, а филигрань датируется 1598 годом. Я не думаю, как Висенте Каденас и Висент, что это предполагаемые воспоминания императора. Я думаю, что они подлинные.

Резюмируя, отметим, что в вышеприведенном отрывке:

- 1) не конкретизируется, кто выражает сомнения в подлинности рассматриваемого документа;
- 2) нет ссылок на источники при датировании времени создания документа;
- 3) заявление об аутентичности документа основывается на вере Паркера «*creo*».

При этом с помощью анафоры, основанной на антитезе (*yonocreo – uocreo*), достигается предельное усиление акцента на данной идее. Учитывая, что в испанском языке местоимение «я» принято опускать, его повторяющееся настойчивое использование привлекает внимание и подчеркивает субъективность высказывания. Можно предположить, что демонстративное акцентирование субъективности суждения может быть следствием апеллирования журналиста, опубликовавшего статью, к авторитету исследователя.

Наряду с отсутствием документальных оснований и подчеркнутой субъективности при высказывании ряда суждений, привлекает внимание наличие утверждений, не подвергающихся проверке, представленных при этом как аксиома, а не как предположение Паркера.

Loquet más me sorprendió es que Carlos V tenía gran coraje físico, pero yo he encontrado unos casos en que fue un cobarde moral [Barreira D.]. (Что особенно меня удивило – это факт, что при огромном физическом мужестве Карлоса, я обнаружил ряд случаев, когда он был нравственным трусом).

Введение данного тезиса при помощи эмфатической конструкции «то, что меня удивило» априори исключает сомнения в доказанности последующего утверждения. Заявление «Карлос был» исключает сомнения, представляя интерпретацию Паркера единственно возможной.

Выводы

История – это наука, а суждение о нравственных качествах исторических личностей – весьма сложный аспект в силу риска неправильно интерпретировать поведение персонажа, не обладая полнотой информации о его мотивах и внутренних побуждениях. Успешная с точки зрения продуцента вербальная проекция в историческом нарративе способна «выстроить» нужное восприятие продуцента со значимыми аксиологическими акцентами. Так, на основании проанализированного материала можно констатировать факт кражи Карлосом драгоценностей у матери при наличии достаточных свидетельств, но делая при этом скидку на возможную субъективность источников. Оговоры и клевета существовали всегда, при отсутствии нескольких единогласных свидетельств современников сложно с уверенностью толковать столь личный факт биографии короля. Одновременно, не зная причин, побудивших короля поступить подобным образом, нельзя

квалифицировать данный инцидент как указание на нравственную трусость будущего императора. Однако даже при наличии достаточных свидетельств преступного деяния Карлоса бросается в глаза отсутствие ссылок на источник. Данный факт подразумевает слепую веру читателей в слова автора, что само по себе опасно, поскольку исключает возможность критического осмысления сказанного, справедливого или ложного.

Как результат, историко-популяризаторские статьи могут превратиться в опасное политическое оружие в руках той или иной идеологически направленной группы. Не имеющий необходимости подтверждать свои заявления, но наделенный властью авторитета, историк может преподать аудитории фактически любую трактовку событий прошлого и, в некоторой степени, настоящего. А принимая во внимание красочный стилистический рисунок выказывания и определенные риторические навыки автора, оказавшийся в широком доступе текст может оказать огромное влияние на мировосприятие народа. На примере опубликованной в электронном журнале “ElEspañol” статьи можно выделить основные особенности, применяемые историками-публицистами:

1) яркая стилистическая окраска (эпитеты, широкий спектр параллелизмов, анафоры, парадоксы, каламбуры, идиомы, применяемые преимущественно в комплексе);

2) подчеркнутая субъективность формы преподнесения информации (фразы и клише, характерные для передачи личного взгляда на события);

3) гипотетичность ряда идей (если бы...);

4) фрагментарное отсутствие оснований, подтверждающих высказываемые идеи;

5) обобщение источников, отсутствие конкретики при ссылке на некоторые идеи и высказывания.

Данные особенности характерны для публицистики, потому вполне закономерным является адаптация исторического повествования историков-публицистов к газетному стилю и упрощение мыслительных формулировок. Тем не менее, как уже говорилось выше, такая манера подачи материала может стать серьезным идеологическим оружием, в котором языковая составляющая является определяющей при оценочном восприятии реципиента. Будучи свободными в творческом оформлении своих изысканий, авторы избирают для себя либо непредвзятое изложение событий, либо их вольную интерпретацию, лишенную исторических оснований. Своеобразие идиостиля влияет на способы репрезентации дискурса массового исторического текста и определяет форму его вербальных особенностей.

Библиографический список

Барканова Е.В. Популяризация истории как медийная проблема // Ученые записки НовГУ. 2015. №2 (2) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-istorii-kak-mediynaya-problema> (дата обращения: 22.07.2023).

Грибанская Е.Э. Функциональные стили речи, или как не попасть впросак // Образовательные технологии. 2017. №4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funksionalnye-stili-rechi-ili-kak-ne-porast-vprosak> (дата обращения: 22.07.2023).

Зубкова О.С. Метафорическое моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков с использованием тропеической лексики // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. №1 (20). С. 16–21 [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/020-003.pdf> (дата обращения: 22.07.2023).

Поданева Е.С. Научная популяризация в интернете: эксперименты с новыми форматами (опыт создания видео-проектов о науке) // Журналистский ежегодник. 2017. №6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-populyarizatsiya-v-internete-eksperimenty-s-novymi-formatami-opyt-sozdaniya-video-proektov-o-nauke> (дата обращения: 25.07.2023).

Суворова С.П. Журналистика научная и научно-популярная: к вопросу о различении понятий // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». МГУ, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/1474018/> (дата обращения: 22.07.2023).

Яницкий О.Н. Информационное общество: проблемы и методы их решения // Власть. 2016. №7 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obschestvo-problemy-i-metody-ih-resheniya> (дата обращения: 22.07.2023).

Barreira D. Geoffrey Parker: Pongo a Carlos V en la cima de la Historia de España, pero era un cobarde moral [Электронный ресурс]. URL: https://www.elespanol.com/cultura/historia/20190211/geoffrey-parker-pongo-carlos-historia-espana-cobarde/375212800_0.html (дата обращения: 22.07.2023).

Gil Zúñiga J. Nuestra Historia: Un Intento De Popularizar La Historia // *Revista De Historia*. 1992. № 25 (January). Pp. 229-33. URL: <https://www.revistas.una.ac.cr/index.php/historia/article/view/3351> (дата обращения: 22.07.2023).

Jerome M. Clubb. Historia como ciencia social. *Revista internacional de ciencias sociales*. 1981. Vol. XXXIII. Pp. 651-667.

Maravall J.A. La situación actual de la ciencia y la ciencia de la historia. Revista de estudios políticos. 1958. № 99. Pp. 33-55.

Sánchez Jaramillo L.F. La historia como ciencia // Revista Latinoamericana de Estudios Educativos (Colombia). 2005. Vol. 1. № 1 (julio-diciembre). Pp. 54-82.

References

Barkanova E.V. Populyarizatsiya istorii kak mediynaya problema // Ucheny`ezapiskiNovGU. 2015. №2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-istorii-kak-mediynaya-problema> (data obrashheniya: 22.07.2023). (In Russ.)

Gribanskaya E.E. Funkcional`ny`estilirechi, ilikaknepopast` vprosak // Obrazovatel`ny`etexnologii (g. Moskva). 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-stili-rechi-ili-kak-ne-popast-vprosak> (data obrashheniya: 22.07.2023). (In Russ.)

Zubkova O.S. Metaforicheskoe modelirovanie sovremennogo kommunikativnogo prostranstva professional'nyh yazykov s ispol'zovaniem tropeicheskoi leksiki // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2016. №1 (20),. S.16 - 21. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/020-003.pdf>(data obrashheniya: 22.07.2023). (In Russ.)

Podaneva E.S. Nauchnaya populyarizatsiya v internete: e`ksperimenty` s novy`miformatami (opy`tsozdaniya video-proektov o nauke) // Zhurnalistikijezhegodnik. 2017. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-populyarizatsiya-v-internete-eksperimenty-s-novymi-formatami-opyt-sozdaniya-video-proektov-o-nauke> (data obrashheniya: 25.07.2023). (In Russ.)

Suvorova S.P. Zhurnalistikanauchnaya i nauchno-populyarnaya: k voprosu o razlicheniiponyatij // Materialy` XVI Mezhdunarodnojkonferencii studentov, aspirantov i molody`xucheny`x «Lomonosov». MGU, 2009 URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/1474018/> (data obrashheniya: 22.07.2023). (In Russ.)

Yaniczkij O.N. Informacionnoeobshhestvo: problemy` imetody` ix resheniya // Vlast`. 2016. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obschestvo-problemy-i-metody-ih-resheniya> (data obrashheniya: 22.07.2023). (In Russ.)

Barreira D. Geoffrey Parker: Pongo a Carlos V en la cima de la Historia de España, pero era un cobarde moral. URL: https://www.elespanol.com/cultura/historia/20190211/geoffrey-parker-pongo-carlos-historia-espana-cobarde/375212800_0.html(дата обращения: 22.07.2023).

Gil Zúñiga, José. Nuestra Historia: Un Intento De Popularizar La Historia // Revista De Historia, no. 25 (January), 1992. 229-33. <https://www.revistas.una.ac.cr/index.php/historia/article/view/3351>(дата обращения: 22.07.2023).

Jerome M. Clubb. Historia como ciencia social. Revista internacional de ciencias sociales. Vol. XXXIII, pp. 651-667.

Maravall J.A. La situación actual de la ciencia y la ciencia de la historia. Revistadeestudiospolíticos. No 99, 1958. Pp. 33-55.

Sánchez Jaramillo, Luis Fernando. La historia como ciencia Revista Latinoamericana de Estudios Educativos (Colombia), vol. 1, núm. 1, julio-diciembre, 2005, pp. 54-82.